

Эксперт Урал (Екатеринбург) - №41 (349)/20 октября 2008
ЧЕРЕСПОЛОСИЦА, Глеб Жога

До 40% инвестиционных проектов на Урале могут заморозиться на неопределенный срок. Но как только пик кризиса будет пройден, обострится проблема размещения новых промплощадок: региональные столицы задыхаются, а в малых городах нет ни инфраструктуры, ни рабочих рук

В течение трех лет аналитический центр «Эксперт-Урал» проводит исследование инвестиционных планов в основных промышленных отраслях Большого Урала. По результатам прошлого года мы получили массу заявленных к реализации проектов, способных только промышленными силами увеличить ВРП региона за пять лет на 40%. Однако обрушившийся на мировую и отечественную экономику финансовый кризис поставил вопрос: остались ли планы инвесторов столь же оптимистичными?

Первое, на что стоит обратить внимание, — горизонты инвестиционного планирования. Первые два столбца на диаграмме — результаты исследований прошлых лет. Тогда мы говорили, что удлиняющийся горизонт планирования вложений — несомненное следствие укрепления уверенности инвесторов в отечественной экономике. Интересно, что рост происходил за счет увеличения срока окупаемости проектов, а срок реализации практически не менялся. Очевидный вывод: инвестиционные деньги начали поступать не только в высокорентабельные отрасли, но и в сектора экономики с более долгой «отбиваемостью». Следствие — сбалансированное развитие промышленности и появление в экономике длинных денег, что, несомненно, плюс.

По результатам исследования этого года тенденция удлинения инвестиционного цикла сохраняется, но удлинение это качественно иное: сроки окупаемости остались на уровне десяти лет, а вот средние сроки реализации выросли на 60%.

Объяснений нам видится два — «плохое» и «хорошее». Начнем с «хорошего»: в уральской промышленности закончился период восстановительного роста, и теперь для увеличения производства требуется создание новых (или реабилитирование старых) площадок, так как собственные мощности уже и так загружены до предела. Но окончание восстановительного этапа и переход к интенсивному развитию в промышленности — процесс фундаментальный и ожидаемый. Вряд ли он способен всего за год растянуть средние сроки реализации проекта на 60%. Отсюда — «плохое» объяснение: по вине конъюнктурных (нефундаментальных) факторов ранее заявленные проекты за минувший год «подвисли» — прежние суммы и сроки по ним пересмотрены в сторону увеличения.

Хозяин слову: как дал, так и забрал

Очевидно, что наиболее чувствительны к негативному влиянию финансовых сложностей крупные проекты, требующие организации новых производственных площадей, при этом находящиеся на ранней стадии инвестиционного цикла (разработка документации, утверждение площадки, поиск поставщиков оборудования и т.п.). Мы смогли выделить чуть больше шести десятков проектов на общую сумму около 22 млрд долларов (примерно 40% от всех заявленных вложений), которые, по нашему мнению, могут быть заморожены.

Самое неустойчивое положение сложилось в переработке нефти и газа — почти три четверти суммы может оказаться под угрозой. Нестабильная ситуация с металлургическими вложениями: по нашим расчетам, неустойчивость инвестиций (отношение суммы тормозящихся проектов к сумме заявленных) составляет 65%. В обоих

случаях это связано с тем, что многие проекты заявлены недавно, требуют организации новых площадок, а основные соглашения с поставщиками по ним еще не заключены.

Драматична ситуация в производстве строительных материалов (неустойчивость инвестиций — 68%). Как мы и прогнозировали в прошлом году, этот сектор продемонстрировал наибольший качественный рост. Фон инвестиционной активности таков: взрывной рост среднегодовых цен на цемент (в 2006 году по стране — почти 140%, в 2007-м — уже около 180%) и высокие пиковые всплески (в разгар сезона цена на тонну цемента значительно переваливала за 5 тыс. рублей при среднегодовой цене в 2007 году около 3,5 тыс. рублей). В такой ситуации производство цемента по рентабельности могло соперничать с добычей нефти и газа: по оценкам, себестоимость тонны цемента в стране колеблется в пределах 1000 — 1500 рублей. Еще одна отрасль сектора стройматериалов, быстро получившая инвестиционную привлекательность, — производство ЖБИ: из-за, во-первых, возрастающего спроса со стороны строительства (общий фактор для всего сектора стройматериалов), во-вторых, отсутствия на рынке импорта, в-третьих, сравнительно невысоких сроков окупаемости вложений (по разным оценкам, три-четыре года).

Однако к середине 2008 года многие заявленные инвестиционные планы в этом секторе оказались под угрозой. Основная причина — стагнация в жилищном строительстве. По отзывам риэлторов, жилье, построенное на средства финансовых девелоперских структур, к началу лета 2008 года было продано на 30 — 40%. Рост себестоимости (из-за возрастания цены на стройматериалы, платы за подключение к электро-, водо- и теплоснабжению, стоимости аукционных процедур) и недостаточный платежеспособный спрос (приобрести жилье в собственность могут не более 16 — 18% нуждающихся) обуславливают дальнейшее снижение продаж квартир. Банки, и без того неохотно перекредитующие строителей, в свете разразившихся финансовых неурядиц вовсе перестали оказывать им (как и потенциальным потребителям) кредитную поддержку. В такой ситуации реализация «цементных планов» на 3,8 млрд долларов в 50-миллиардном портфеле плановых инвестиций Большого Урала вполне может затянуться на неопределенный срок.

Основная доля заявленных в промышленности вложений как по расчетам прошлого года, так и по результатам нынешнего исследования приходится на энергетику. Но все планы строительства энергогенерирующих мощностей обозначены довольно давно — еще в инвестиционной программе РАО ЕЭС.

С тех пор ничего дополнительного, кроме переноса сроков ввода объектов, новые собственники генерирующих компаний не озвучили.

Об устойчивости инвестиций в энергетике судить сложно: с одной стороны, в действие вступают инвестиционные соглашения, по которым генерирующие компании обязаны вводить в действие новые мощности, параллельно выводя изношенные (в этом случае рассчитанная нами неустойчивость составляет не более 25%). С другой — планы ввода энергетических мощностей опирались на инвестиционные заявления промышленных энергопотребителей, в основном производителей металла (руды, проката черных металлов, труб, электростали и ферросплавов), клинкера и цемента. Как мы уже отмечали, значительная часть планов металлургов и производителей стройматериалов может быть пересмотрена, а сроки ввода в строй мощностей перенесены за 2013 год. В таком случае у энергетиков также может появиться люфт в сроках. Он возможен в отношении как новых источников энергогенерации, привязанных к строительству крупных промышленных объектов (не имеет смысла строить Ново-Богословскую ТЭЦ при зависании проекта строительства Богословского алюминиевого завода), так и усиления

существующих электростанций. Торможение развития металлургов и цементников может дать возможность сдвига сроков ввода мощностей на Среднеуральской и Рефтинской ГРЭС в Свердловской области, Троицкой ГРЭС в Челябинской области, а также, вероятно, Тюменской ТЭЦ-2.

Если рассматривать номинальные заявленные сроки ввода в действие мощностей, то больше всего в физическом объеме должен увеличиться выпуск в Оренбурге (продукты химического и нефтехимического комплекса), Тюмени (нефтехимия и металлургия), обороты набирают химические предприятия в Соликамске и Березниках, металлурги планируют серьезно увеличить выпуск в Свердловской (Ревда, Первоуральск, агломерация Екатеринбург) и в Челябинской (Челябинск, Магнитогорск, возможно, Троицк) областях. В башкирских Стерлитамаке и Салавате значительно должны возрасти объемы выпуска химических и нефтехимических производств. Вопрос — как вывозить продукцию?

Минеральные удобрения березниковско-соликамского узла, как и значительная часть металлургической продукции Свердловской области, скорее всего, лягут нагрузкой на основные железнодорожные направления: Пермь — Свердловск — Называевская и Дружинино — Каменск-Уральский. И здесь не миновать таких проблемных мест, как Пермь — Верещагино, Свердловск — Баженово, да и саму станцию Свердловск-Сортировочная. Оренбургские производства добавят хлопот участку Оренбург — Кинель. Указанные участки железной дороги и так загружены на 80 — 90%. Кроме того, возникает потребность в подъездных путях к предприятиям-производителям (путей или просто нет, или они не отвечают запросам промышленников): в большей степени это характерно для Тюмени, Ревды и Первоуральска. В этой ситуации транспортировка продукции может стать огромной проблемой, решить которую без согласованных действий с транспортниками невозможно.

Недворянская наука

В свете тезиса о смене характера промышленного развития и окончании этапа восстановительного роста еще более актуальной становится география вложений. Большую часть (37%) проектов предполагается реализовать на территории областных центров. Это очевидно обосновано близостью к транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуре, наличием в зоне досягаемости рабочих рук. Но инфраструктура больших городов серьезно перегружена и приобретение участка вблизи от областного центра — задача не из легких. Кроме того, большинство градостроительных ведомств давно озабочено проблемой вынесения и без того немалого числа существующих промышленных производств за черту крупных городов. Соответственно, появление новых промышленных площадок на территории областных столиц не всегда желательно.

Вовлеченность областного центра в планы промышленного развития по разным территориям Большого Урала принципиально отличается. Городами-лидерами привлечения денег с уверенностью можно назвать Оренбург (7 млрд долларов) и Тюмень (5 млрд долларов). Несмотря на то, что это областные центры, города сравнительно невелики (Оренбург — 539, Тюмень — 592 тыс. жителей) и не перегружены до такой степени, как соседи-миллионники. Кроме того, вероятно, что в областях просто недостаточно подходящих мест для организации новых производств (в Оренбургской области в инвестиционных планах помимо столицы фигурируют лишь Орск и Новотроицк, а в Тюменской и вовсе только Тобольск) и столицам приходится «отдуваться» за всю область.

Иная ситуация в Башкортостане и Челябинской области. Областные центры здесь — миллионники с увесистым советским наследием промышленных площадок в городской черте. Обе территории обладают развитым и диверсифицированным экономическим комплексом и окружены подходящими для перспективного роста вторыми городами. На столицу в этих территориях приходится 15 — 20% промышленных планов региона: не так много как в Тюменской (46%) и Оренбургской (67%) областях, но все же достаточно, чтобы не дать городам свободно дышать в ближайшие годы. Оставшиеся 80% инвестиций в этих областях приходится на вторые города и малые населенные пункты. Если со вторыми городами ситуация относительно понятна: они сами заинтересованы (и активно работают в этом направлении) в развитии существующих производств и привлечении новых, то увеличение вложений в малые населенные пункты можно объяснить двумя причинами. Во-первых, в обеих областях АПК занимает немалую долю промышленности, а инвестиции в этот сектор, подогреваемые ростом доходов населения и идеей импортозамещения, в последние годы увеличиваются (развитие пищевой в малых городах — явление естественное). Во-вторых, инвестор интересуется малыми населенными пунктами в качестве альтернативы дорогим промплощадкам при региональном центре. Такой интерес во многом поддерживается и региональными властями, отстаивающим идеи оживления депрессивных территорий с одной стороны и освобождение областных столиц от непосильной промышленной нагрузки — с другой. Насколько перспективен этот процесс — вопрос открытый.

Характерным примером в Челябинской области может служить Троицк — город с населением чуть более 80 тыс. человек в 120 км от Челябинска. Кроме энергетиков (ОГК-2), модернизирующих Троицкую ГРЭС, инвестиционный интерес к этому населенному пункту проявляют металлурги (цинковый завод РМК, строительство Уральского гидрометаллургического завода) и производители утеплителей (Троицкий завод минераловатных плит). Башкирский пример — городок Учалы с населением в 38 тыс. человек (360 км от Уфы). В город намерены вкладывать деньги цементники (строительство Учалинского известково-цементного комбината) и металлурги (Учалинский ГОК УГМК). Кроме того, не так давно был запущен завод по производству плит из экструзионного пенополистирола (ТехноНИКОЛЬ).

Однако с малыми городами не все гладко. Показателен пример строительства стекольных заводов в городе Кизел Пермского края. Одной из целей, преследуемых региональной администрацией, было развитие экономически депрессивного муниципального образования. Инвесторам предлагались недорогая площадка и необходимая инфраструктура. Изначально проект был представлен осенью 2007 года, однако в сентябре 2008-го появилась информация о возможном переносе производства ближе к Перми. Основной причиной называлось отсутствие в радиусе досягаемости необходимой рабочей силы. Еще одним примером «слабости» малых городов может служить Верхняя Салда в Свердловской области. Несмотря на то, что в городе присутствует ВСМПО-Ависма, выполняющее миллиардные инвестиционные программы, масштабов города предприятию не хватает. Основная проблема та же — работать некому. Вполне вероятно, что в долгосрочной перспективе в свете неблагоприятной демографической обстановки эта участь может постигнуть почти все сравнительно удаленные от центра небольшие населенные пункты, и даже масштабные инвестиционные заявления (в случае появления таковых) вряд ли смогут их спасти.

Возвращаясь к региональным столицам отметим, что наиболее интересна ситуация в Свердловской области. На Екатеринбург приходится около 4% всех инвестиционных планов в промышленности области, две трети вложений — доля малых населенных пунктов. Но здесь важна еще и география этих пунктов: если в случае с Башкортостаном и Челябинской областью прочие центры вложения денег сравнительно удалены

от региональной столицы, то в Свердловской области около Екатеринбурга можно наблюдать «ореол» из малых городов со значительными суммами инвестиций. Таким образом, в случае с Екатеринбургом можно говорить о реальном формировании агломерации, подтверждаемом экономическими процессами. Мировой опыт становления мегаполисов свидетельствует, что наиболее перспективным для промышленности и комфортным для населения является вынесение промышленных мощностей во внешний пояс агломераций: Ревда, Первоуральск и Среднеуральск вполне подходят для роли принимающих промышленность городов.

Наказание невиновных, награждение непричастных

Финансовый кризис — временный фактор, хоть его влияние и велико: введение в эксплуатацию мощностей может серьезно запоздать по 40% заявленных проектов, средние сроки реализации вырастут на 60% и превысят пять лет. Но как только влияние кризиса будет преодолено, проблема найти территории, пригодные для промышленных вложений, обострится. Еще три-пять лет, и областные центры не смогут выступать крупнейшими промплощадками — они просто задохнутся. Не все малые населенные пункты способны принимать новые промышленные предприятия: в них некому работать, нет необходимой транспортной и энергетической инфраструктуры, инженерных коммуникаций. Перекалывание создания необходимых условий для работы исключительно на плечи бизнеса неоправдано: это может стать финансово неподъемной задачей для проектов среднего масштаба, и сопряжено с немалыми бюрократическими сложностями.

Одним из возможных решений проблемы видится организация специальных территорий — индустриальных парков. Известно, что индустриальные парки можно создавать как на государственные деньги, так и на частные средства, возможен вариант и государственно-частного партнерства (см. «Определить интересы», с. 28). Рассчитывать на быстрый приход частных денег в эту сферу не приходится: на первых порах инициатива должна исходить от региональных властей. К тому же, опыта создания таких индустриальных территорий в регионе пока нет, и вряд ли частный инвестор захочет брать на себя риски первооткрывателя. Хотя есть и контр-пример: в Тюменской области компания Евразия Логистик рассматривает возможность создания индустриального парка.

Организовывать площадки для размещения производств по территориям региона стоит уже сейчас — через год-два может быть поздно. Оправившиеся от фондовых падений и финансовых неурядиц инвесторы предъявят высокий спрос на новые промплощадки. Недостаточное (качественно и количественно) предложение заставит предпринимателей развернуться в сторону другого региона. Администрациям областей имеет смысл четко обозначить точки опоры в своих регионах: умело использовать инфраструктурный и кадровый ресурс региональных столиц, не перегружая сами города и создавая экономические предпосылки формирования агломераций, соотносить планы развития энергетиков и транспортников с перспективами промышленного роста и не «закапывать» деньги инвесторов в депрессивные районы.

С поправками на кризис

Артем Коваленко, заместитель главного редактора журнала [«Эксперт Урал»](#)

Финансовый кризис внесет коррективы в процесс развития промышленных зон, считает директор Центра стратегических разработок «Северо-Запад» Владимир Княгинин:

Владимир Княгинин

— В России опыт создания промышленных зон пока широко не распространен. Есть примеры, когда они разворачиваются при значительной поддержке регионов: так, в Калуге промзоны стали фактически инструментом регионального развития.

В Петербурге, Ленинградской и Московской областях они выстраивались как частный бизнес, кстати, высокорентабельный. Финансовый кризис, вероятно, на какое-то время притормозит их активное развитие. В новых условиях поддержка государства станет для промзон еще более важным фактором.

Надо учитывать, что регионы развиваются неравномерно, и если Петербург, ближнее и дальнее Подмосковье столкнулись с запросом на промзоны уже несколько лет назад, то для многих других субъектов РФ вопрос приобрел актуальность в последнее время.

Волна промышленных инвестиций, требующих своих территорий, появилась не так давно. До этого, пока у нас шел восстановительный рост экономики, в основном использовались незагруженные мощности. Три-четыре года назад мы достигли предела по загрузке, далее на их основе увеличивать многие производства становится невозможно. Кроме того, советские промзоны, расположенные в центрах городов, постепенно уходят под редевелопмент: высока ценность земли. А новые компактные эффективные производства предъявляют совершенно другие требования.

Обычно из десяти инвесторов, декларирующих готовность разместиться, реально размещается один, а подготовка подобного рода сделки занимает несколько лет. Важно, чтобы регион смог привлечь в промышленную зону якорного инвестора, определяющего профиль индустриальной территории. Ориентируясь на него, туда придут другие компании. Но известно, что такого уровня предприятия обычно размещаются в центрах рынков. Если регион к таковым не относится, ему трудно будет соревноваться за внимание значительного предприятия. Выход — сетевые промышленные зоны, когда инвестору предлагается выбрать площадку сразу на нескольких территориях; частно-государственное партнерство, когда бизнес и государство делят риски создания таких зон. Потому что если в Подмосковье и Петербурге ситуация практически беспроблемна: промзона будет востребована, то в регионах второго и третьего порядков придется долго и напряженно вести работу, чтобы привлечь инвестора. И ждать там такой же эффективности, как у лидеров, не приходится.

В условиях кризиса государство еще чаще будет вынуждено брать на себя затраты на инфраструктуру, финансирование такого рода зон, чтобы помочь промышленности пережить сложный период. Так, в Восточной Европе действует программа развертывания новых промзон и индустриальных парков. В странах Балтии они субсидируются структурами Евросоюза. На Украине неоднократно принимались попытки принять специальные законы, поддерживающие индустриальные парки: сейчас дискуссия на эту тему вышла на новый виток.